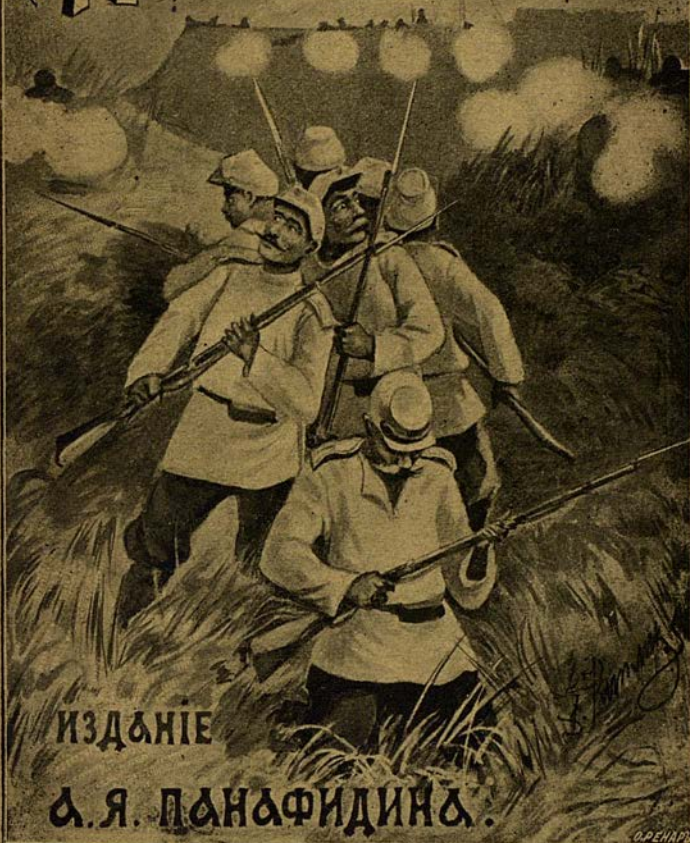

Вас. НЕМИРОВИЧЪ ДОНЧЕНКО.

ПОХОДНОЕ ДѢЛО

ИЗДАНИЕ

А. Я. ПАНФИДИНА.

У КНИГОПРОДАВЦА-ИЗДАТЕЛЯ

А. Я. Панафидина

МОСКВА Покровка, Лялицъ пер., соб. д., № 11—13.

ПРОДАЮТСЯ, МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Александровъ Н. А.

НАРОДЫ РОССИИ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ

РАЗСКАЗЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Вып. I.—П. стьни сѣвера и ихъ кочующіе обитатели.

Иллюстрировано М. Минѣшинымъ, А. Шарлеманемъ и др

Изд. 2-е.

Въ первомъ изданіи рекомендуется, какъ необходимое пособіе, Учебнымъ Комитетомъ IV отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, при преподаваніи географіи Россіи въ старшихъ классахъ институтовъ и женскихъ гимназій, а также въ учительской семинаріи Воспитательнаго дома. Одобрена ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, для библиотекъ гимназій, прогимназій и уѣздныхъ училищъ. Рекомендуется Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ, для библиотекъ, мужскихъ и женскихъ духовныхъ училищъ. Одобр. Главн. Управлен. военно-учебныхъ заведеній для чтенія воспитанникамъ военныхъ гимназій и прогимназій. М. 1898 г.

Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.

Томе. Вып. II-ой. — Инородцы лѣсовъ (Сибирь), съ рисун. Броза и друг. М. 1899 г., ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р. 25 к. Оглавленіе: Камчадалы съ Курильцами, Тунгусы, Амурскіе Тунгусы (Орочане, Мавягры, Бирары, Мангуны или Ольчи и Орочи), Гольды и Гиляки, Якуты и Долгане, Вогулы, Сибирскіе Татары и Бухарцы, Алтайскіе Камыки, и голлователь.

Его-же. Волга. Этнографическіе рассказы для дѣтей. Съ рис. Изд. 2-е. Въ первомъ изданіи одобрена Мин. Нар. Пр. для употребленія въ низшихъ училищахъ и внесено въ омытъ каталога учебн. библ. среди. уч. зав. Вѣд. Мин. Нар. Пр. и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ. М. 1898 г. Цѣна 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 60 к.

93
ПОХОДНОЕ ДѢЛО.

ИЗЪ ВОЕННЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Вас. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО.

Цена 15 коп.

СОБСТВЕННОСТЬ КНИЖНАГО МАГАЗИНА,
СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ,

А. Я. ПАНАФИДИНА.

Покровка, Лялинь пер., соб. д., № 11—13.

ВЪ МОСКВѢ.

МОСКВА.

Типографія П. Я. Полякова. Покровка, Лялинь пер., д. № 13.
1900.

Дозволено цензурою. Москва, 7 августа 1899 года.

5800-0

2007052739

I.

На одной изъ крайнихъ улицъ Систова строилась рота.

На солдатахъ были ранцы. Въ рядахъ наступило молчаніе. Они уже нѣсколько минутъ, какъ выравнивались и ждутъ чего-то... Ротныя телѣги позади тоже готовы двинуться.

— Вы дали знать Боброву?— подошелъ молоденькій офицеръ къ старому.

— А вамъ нетерпится?

— Да, вѣдь, въ прошломъ дѣлѣ мнѣ не удалось быть.

— Не торопитесь... Это только въ книжкахъ красиво выходитъ. Не разъ святителей кievскихъ помянете.

— Зачѣмъ же вы изъ отставки пошли?

— Потому что долгъ... Не изъ-за клочка земли кровь проливаемъ... За исконное дѣло наше... Потому и пошелъ, что чувствую. Не дѣлать же, какъ тѣ прохвосты, что до войны горла драли за славянскихъ братій, а какъ настоящее началось такъ ихъ и не видать. Всѣ по своимъ щелямъ попрятались... Я кричалъ тоже и пошелъ... Двадцать лѣтъ въ отставку, — нужно и влѣзъ въ ляжку. У меня вотъ двое племянниковъ тоже здѣсь. Сѣрыя шинели надѣли на святое дѣло, хоть военными никогда не бывали... Вы сюда какъ на праздникъ. Оно и понятно, со школьной скамьи прямо... А тутъ надо на смерть идти... Тутъ подвигамъ мѣста мало. Подвиги — моменты. За то выносливости, терпѣнію, хребтамъ — просторъ... Вы вонъ, поди, о георгіевскомъ бѣленькомъ крестикѣ еще въ училищѣ мечтали?

— Еще бы... Всякому хочется...

— Такъ-то такъ... Нѣтъ, вы за солдата душой поболѣйте... Пожалѣйте его, — нужно, всѣ на смерть иди. Не шутики шутить, не игры играть пришли сюда. А вотъ безъ нужды-то

солдатика не томите; безъ надобности его подь пулю, да на штыкъ не посылайте.

— Здорово, братцы?—послышался громкій голосъ ротнаго.

— Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!

— Чай пили, говядину получили?

— Точно такъ.

— Ну, ребята, первыми въ походъ двигаемся. Помнить же, солдатъ съ солдатомъ воюй. Мирнаго жителя, будь онъ христіанинъ или турокъ, отнюдь тронуть не смѣй. Грабитель да воровать не солдатское дѣло. Сдался тебѣ врагъ, ужъ не врагъ онъ—братъ, святѣй брата, потому что жизнь его на твоей душѣ. Обидѣлъ ты плѣннаго, все равно, что ребенка малаго обидѣлъ, ничѣмъ онъ тебѣ отвѣтить не можетъ... Въ походѣ сухарь береги, пуще глазу. Случится, что хлѣба, да мяса не будетъ, тогда сухарь тебя спасетъ. Другъ за друга, ребята, горой... Крѣпко одинъ другого держаться... Пovyдергай камни изъ стѣны—развалится.. Въ кучкѣ и слабый силенъ. Въ бою помни одно: на выстрѣлы время не теряй и ура попусту не ори. Близо врагъ, въ штыки его,

Далеко — выжидай его на себя, коли въ немъ запальчивости этой много... Да мы съ вами еще по дорогѣ потолкуемъ. Помните только одно: я отъ васъ никуда, за то и вы отъ меня не отставай!..

— Рады стараться!..

II.

Бобровъ уже шелъ впереди съ офицерами; рота тоже свернулась въ походную колонну и двинулась въ порядкѣ пока по улицамъ города. За Свиштовымъ всякій пойдетъ, какъ хочетъ, лишь бы отсталыхъ не было. А тутъ порядокъ по-неволѣ соблюдаешь... Еще чего добраго на начальство наткнешься... За городомъ — строя не будетъ. Лишь бы въ кучѣ держались — не отставали.

— Отсталый — человекъ пропалый! — говорилъ имъ Бобровъ. — Ни заботиться о немъ некому, ни самому о себѣ подумать ему нельзя. Кругомъ чужая сторона, куда онъ пойдетъ, коли своихъ не догонитъ? А какъ ему догнать, коли онъ и рядомъ-то съ ними идти не могъ.

Одно ему—смерть въ одиночку. Коли врагъ не отыщетъ голодъ его найдетъ...

— Болгарина бы проводника надо... замѣтилъ старый субалтернъ Егоровъ.

— Да вотъ, кстати, у воротъ стоитъ... Эй, братушко!

Дончо, — это былъ онъ *), подошелъ къ Боброву.

— Не знаешь ли ты дороги на Тырново?..

Дончо, оказалось, знаетъ.

— Не проведешь ли насъ туда?..

— Все равно, въ ополченіе ли идти или съ ними. Такъ еще лучше, свободнѣе... мелькнуло въ головѣ у Дончо и онъ выпросилъ нѣсколько минутъ на сборы, обѣщая сейчасъ же догнать роту.

— Вотъ вамъ и проводникъ...— обернулся Бобровъ къ Егорову.—Сами нашли.

— Глупъ, кажется.

— Лишь бы дорогу зналъ...

Такимъ образомъ, Дончо попалъ въ роту

---

*) Дончо—болгаринъ изъ бѣглецовъ, у котораго турки зарѣзали отца и мать и разорили домъ. До сего же онъ служилъ доктору Пастыреву и сестрамъ.

къ Боброву. Онъ, разумѣется, выѣхалъ на своемъ уныломъ конькѣ и съ неизмѣннымъ длиннымъ уродливымъ ружьемъ. За ротой онъ двинулся съ необыкновенной гордостью, самодовольно оглядываясь по сторонамъ. Въ немъ только шевельнулось сожалѣніе, что онъ не простился съ Пастыревымъ и съ сестрами, но честный малый боялся разжалобиться и остаться при нихъ, когда тутъ пришла настоящая пора „сичкихъ турцей порѣзать...“ (всѣхъ турокъ зарѣзать).

Прямо за Свиштовымъ дорога подымалась въ гору.

Сначала она была довольно широка. Потомъ Дончо вспомнилъ о существованіи тропинки, которая верстъ на шесть сокращала путь до Царевца, первой деревни къ Тырнову.

Онъ повернулся туда. Рота пошла за нимъ.

Узенькая дорожка скоро стала совершенной тѣсною. Справа и слѣва точно давили ее отвѣсы, по которымъ ползла и цѣплялась всякая поросль. Небо вверху — голубая лента. Тамъ, гдѣ поросль гуще, и его не видно. Тропинка вся прячется подъ колеблющимися

зелеными сводами, чтобы сейчас же выбѣжать на припекъ или окунуться въ пыльную тѣснину. Версты черезъ двѣ Дончо вывелъ роту на турецкое шоссе. Тутъ путь былъ пробить въ горѣ. По сторонамъ давили его, точно двѣ стѣны, — прорванные порохомъ откосы. На сѣверѣ былъ виденъ весь млѣвшій въ солнечномъ блескѣ, съ своими безчисленными зелеными островами, Дунай. Кое-гдѣ, какъ золотая коса, горѣла песчаная отмель... На югъ — прохладная лощина Царевца... Жалкія кровли убогихъ домовъ ютятся внизу поближе къ гремучему ружью... Кругомъ сады... Оттуда пахнутъ цвѣтами... Въ одномъ изъ дворовъ (сверху видно какъ на ладони) казацкія лошади привязаны въ тѣни высокой стѣны. Сами Гаврилычи *) тамъ же спятъ себѣ подъ густыми деревьями, точно и дѣла имъ нѣтъ, что ото всюду можетъ подобраться лукавый врагъ... Даже аванпостовъ не поставили. Такія же группы коней и казаковъ по другимъ дворамъ...

— Пугните-ка ихъ, что будетъ.

Бобровъ приказалъ.

---

*) Такъ называли каз ковь.

Еще не успѣлъ грохотъ нѣсколькихъ выстрѣловъ замереть въ окрестныхъ ущельяхъ, какъ со всѣхъ дворовъ Царевца стали выскакивать донцы и строиться на небольшой площадкѣ. Суета стояла страшная. Нѣкоторые бросились изъ села прямо въ лощины; другіе полѣзли на скаты горъ, точно со-слѣпу. Отрядъ, построившійся подъ командой офицера, не выславъ впередъ развѣзда, не собравъ товарищей, двинулся по направленію къ Свиштову. Только приближеніе роты заставило его пріостановиться.

— Куда это вы?—спросилъ Бобровъ у казаковъ.

— Опасно... Тутъ черкесы-те, должно, путаются... Видимо-невидимо... Уходить надо, потому что мы безъ пяхоты...

— И много ихъ? — едва скрывая улыбку, спросилъ Егоровъ.

— Должно много... Видимо-невидимо... Тутъ пяхота нужна... Нешто кавалеріей защитишь?..

— Куда-же тѣ-то дѣлись? — указалъ Бобровъ на разсыпавшихся по горамъ донцовъ. — Пропадутъ, вѣдь.

— Донцы не пропадутъ;—съ увѣренностью отвѣтилъ есауль... — Мои „землеѣды“ вездѣ выдержатся. Рекогносцировочку сдѣлаютъ и назадъ. Это у меня первые казаки; сами, безъ команды, пошли высмотрѣть непріятеля...

Дѣйствительно, кое-кто изъ нихъ уже показывался на верхушкахъ холмовъ; другіе рискнули заглянуть и въ ущелья. Скоро они потянулись къ отряду. „Ничаво нѣтъ, ваше благородіе!“ докладывали они есаулу.

— Какъ-же ничаво нѣтъ, коли стрѣляли?..

— Стрѣляютъ стрѣляли, а только ничаво нѣтъ. Пусто кругомъ.

— Вы это про какіе выстрѣлы?.. — не выдержалъ Бобровъ.

— Да тутъ слышно было... Со всѣхъ сторонъ такъ-те отдалось...

— Четыре выстрѣла мои солдатики сдѣлали. Больше ничего и не было.

— А мы думали, нивѣсть что... Черкесу этого много по окрестностямъ... Полагали, что идутъ на насъ. А что мы безъ пяхоты? тутъ пяхота нужна...

Здѣсь рота остановилась на привалъ. Боб-

ровъ обходилъ солдатъ, осматривалъ экстракторы у ружей, повѣрилъ патроны и сухари. Потомъ онъ отошелъ въ сторону и задумался. Порученіе дали ему не безопасное.

Верстахъ въ десяти отсюда деревушка, Хаджи-бай. Туда засѣли черкесы и баши-бузукы. Ихъ-то и приказано ему выбить оттуда съ своею ротой. Еще до вечера онъ дойдетъ туда, но нападеніе придется сдѣлать въ сумерки... Днемъ—безполезная трата людей...

— Будетъ еще привалъ или нѣтъ?—подошелъ къ нему Егоровъ.

— Зачѣмъ вамъ?—очнулся Бобровъ.

— Да если будетъ, такъ солдатика тамъ и перемѣнятъ бѣлье... Вы сами знаете,—стародавній обычай все чистое надѣть передъ боемъ...

— Передъ атакой отдохнемъ въ лѣску... Тамъ и справимся. Ну, съ Богомъ, дальше!..

Ш.

Къ опушкѣ лѣса высланъ секретъ. Солдаты неслышно, отводя кусты руками, проскользнули туда и залегли въ траву...

Въ верстѣ отъ нихъ, на голомъ холмѣ, — бѣлый минаретъ мечети, сѣрыя изгороди и глиняныя сакли черкесскаго поселка Хаджибай... Тамъ виденъ народъ. Вонъ лошадей поить повели; вонъ, двѣ папахи мелькнули въ кукурузномъ полѣ... Чуть колышетъ вѣтеръ его зеленые стержни, шелестъ несется прямо къ секрету... Должно быть, черкесы уходить собираются. На концѣ поселка скрипятъ арбы, гдѣ-то слышится плачь... Притаились наши и не дышать.

Аванпосты разставлены вокругъ бивуака въ самомъ лѣсу.

Тишина такая, что никому-бы и въ голову не пришло предполагать здѣсь роту солдатъ, выжидавшую только сумерекъ, чтобы двинуться въ бой.

Густыя ивы переплелись вверху; зеленый червь до того извѣлъ ихъ листву, что вся она сквозная стала, словно стрѣкозиныя крылья. Изрѣдка прощальные лучи солнца золотымъ дождемъ пронизываютъ чащи и щедро сыплются на стройныя акации. Желтыя кисти цвѣтовъ вспыхиваютъ подъ этимъ дождемъ огни-

стымъ блескомъ. Точно тамъ въ сумракъ зеленой чащи, красиво рдѣютъ клочья яркаго пламени... Кое-гдѣ по оврагамъ непроницаемыми сводами переплелся иглистый шиповникъ... Густой запахъ розъ чуть не кружить головы солдатамъ, высланнымъ въ цѣпь.

Звѣньями, по трое, стала цѣпь и чутко сторожить всякій шорохъ. Гдѣ-то вѣтка сломалась и упала, шурша, въ густую траву. Солдатъ изъ цѣпи переползъ туда: не чужой ли крадется...

— Смотрите-же, братцы, какъ тронемся впередъ, чтобы все тихо было. Пригоните котелки такъ, чтобы они у васъ о тесаки да о ружья не бились. Разговаривать — сохрани Богъ. Доберемся, горнисть сигналъ вамъ дастъ, барабанщики забьютъ атаку, я васъ тогда и поведу. Тогда ура ори во все горло. Оглушимъ его... А до тѣхъ поръ ни слова.

Солдаты, слушая Боброва, мѣняли онучи, рубахи. Старое бросалось тутъ-же въ траву.

— Алексѣй,—передавалъ одинъ ефрейторъ старому унтеръ-офицеру:—коли что со мной случится,—туть у меня на шеѣ двадцать три

бумажки запасено... Такъ не откажи, пошли женѣ... Отъ твоей деревни наши Гостилицы версты три, не болѣ.

— Будь спокоенъ. Тоже и ты моимъ дѣткамъ порадѣй, коли живъ будешь, а меня зацѣпять. Въ сумкѣ моей пятьдесятъ рублевиковъ. Капитану отдай, онъ сейчасъ пошлетъ ихъ. Все укрѣпа, хошь и мало, а на первыхъ порахъ хватить...

— Ну, братанъ, смотри, Марью мою не забудь въ случаѣ—шепчетъ молодой солдатикъ другому.

— Зачѣмъ забыть?

— Ты ее возьми. Она баба добрая; работница первая по селу. И въ тѣлѣ тоже баба... Я и поженился-то передъ наборомъ. Во какъ жаль!.. Только мы съ ей три мѣсяца и жили...

— Поди робѣночекъ есть?

— Не... робѣночка нѣтъ...

Бобровъ проползъ впередъ къ секрету. Снявъ шапку, онъ привсталъ въ кукурузѣ. Передъ селомъ кое-гдѣ стояли конные черкесы. Гдѣ одинъ, гдѣ два... а гдѣ и трое на череду... Иной разъ только верхъ папахи за-

мѣтенъ, а въ другомъ мѣстѣ силуэты ихъ ясно выдѣлялись изъ зеленаго марева кукурузнаго поля. Умныя горскія лошаденки не шевелились подъ своими всадниками.

Арбы съ женщинами уже уѣзжали на югъ. Скрипъ оттуда доносился къ лѣсу. Густое облако пыли было видно издали.

Солнце все больше и больше клонилось къ горизонту. Края облаковъ, еще недавно сверкавшіе раскаленнымъ серебромъ, теперь порозовѣли и разгорѣлись алымъ полымемъ. Огнистымъ багрянцемъ облило поля.. Рѣченка, точно расплавленное золото, огибала деревню. Золотымъ зигзагомъ свѣтилась она и тамъ, гдѣ поля уже сливались съ краемъ неба... Бѣлый минаретъ точно обдало алою кровью... Скоро весь Хаджи-ба покраснѣлся всѣми своими саклями, заборами и чифтликами богатыхъ поселенцевъ, подъ лучами заката... Въ лѣсу тоже... Стволы выходившихъ изъ чащи деревъ обагрились, и въ золотомъ сіяніи точно загорѣлась густая листва могучихъ вершинъ... Лиловыя тѣни ложились на отдаленныя горы; въ ущельяхъ курился туманъ...

«Скоро, пожалуй, и время... Странно, отчего мнѣ не жутко?—думалъ Бобровъ.— Говорять, передъ дѣломъ всегда скверно на душѣ. А тутъ даже и ожиданій нѣтъ никакихъ, точно на ученье выходишь».

— Петръ Александрычъ, — обратился къ нему юный прапорщикъ. — Позвольте мнѣ первому съ своимъ взводомъ пойти на приступъ!

— Полноте; каждому дѣло будетъ. Посмотрите, чтобы у васъ все въ порядкѣ было. Деревня-то, кажется, у нихъ защищена.

— Ну, гдѣ-же черкесамъ защищаться!

— А это вы видите?—показалъ Бобровъ на окраины деревушки.

— Холмики какіе-то.

— А это?

— А это, должно быть, ровикъ.

— Ни то и ни другое. Они догадались на всякій случай вокругъ села траншейку поставить; значить, дѣло обойдется не одною атакой, да и они не думаютъ сразу уступить и уйти. Слѣдовательно, у нихъ и пѣхота тутъ найдется.

— Да, вѣдь, наши главныя силы въ той сторонѣ... Здѣсь едва-ли они ожидали русскихъ.

— Экъ, у васъ глазъ какой непримѣтливый! Видите вонъ всадниковъ въ папахахъ? Это аванпосты. Значить, ждуть... Мнѣ сдается, что дѣло сегодня будетъ жаркое.

И пока Бобровъ продолжалъ всматриваться, изучая оврагъ, подходившій почти къ самому селу, юный офицерикъ мечталъ о блестящемъ приступѣ, изъ котораго онъ выйдетъ героемъ, не раненый... «Нѣтъ, пусть оцарапаетъ руку или ногу!..» А тамъ бѣленькій крестикъ, поздравленіе товарищей и восторгъ одного милаго сердечка, которое такъ опасно бѣется за него, тамъ, далеко-далеко, въ туманномъ Петербургѣ. И въ чащѣ листьевъ точно улыбалось ему розовое личико хорошенькой блондинки съ ярко сверкающими сѣрыми глазами и задорно вздернутымъ носикомъ. «Приѣду къ ней, съ Георгіемъ на груди. Золотая сабля... Подвязана рука»—въ перебивку мѣшалось въ его головѣ и онъ улыбался самъ себѣ...

IV.

— Вызовите-ка изъ своего взвода охотниковъ,—прервалъ его Бобровъ.—Нужно чело-вѣкъ пять рѣшительныхъ людей. Прибавьте къ нимъ унтеръ-офицера Григорьева и приведите сюда. Только, ради Бога, потише.

Юноша отправился въ лѣсъ. Черезъ полчаса онъ уже возвращался съ десятию чело-вѣками. На разгорѣвшемся лицѣ его такъ и выражалось одушевленіе...

— Позвольте и мнѣ съ ними?

— Зачѣмъ-же десять? счелъ охотниковъ Бобровъ.

— Да, какъ выбирать? всѣ выступили впередъ.

— Вотъ что, ребята, сумки и ранцы оставьте здѣсь. Возьмите съ собою только патроны и ружья. Прапорщикъ поведетъ васъ вонъ этимъ оврагомъ! Посмотрите, можно-ли добраться имъ до Хаджи-бая. Подойдите, сколько можете, ближе; залягте въ ровъ, такъ чтобы васъ видно имъ не было, а унтеръ-

офицера Григорьева пришлите ко мнѣ. Собразите, пройдетъ-ли вся рота къ деревнѣ этимъ рвомъ. Если нельзя, то вы все-таки останьтесь тамъ. Я поведу атаку оттуда съ противоположной стороны, и какъ только вы услышите наше «ура», отнюдь не выходя изорва, откроете только огонь съ тылу по туркамъ. Повторяю еще разъ: отнюдь не выходя! Для наступленія васъ мало. Слышите?.. Только чтобы тихо все было. Никто не шевельнись тамъ... Прапорщикъ Юрневъ, на васъ вся отвѣтственность за успѣшное исполненіе дѣла.

Юрневъ отковырялъ и гоголемъ повелъ свою часть въ оврагъ, лучезарный и радостный, съ сердцемъ, бьющимся трепетомъ ожиданія...

— Поручикъ Егоровъ, передвиньтесь съ ротою сюда поближе къ опушкѣ.

Скоро въ лѣсу послышался шорохъ. Сквозь чащу показалась цѣпь, занявшая самую опушку. Шагахъ во ста позади расположилась остатальная часть роты... Западъ гасъ, изъ лѣсу

вѣяло прохладой, на высотѣ уже густились синія сумерки...

Юренивъ тихо спустился въ оврагъ.

Сначала партіи охотниковъ было идти очень трудно. Шиповникъ кололъ руки и лица, рвалъ платье, какіе-то колючки вонзались въ ноги солдатамъ; поневолѣ вырывались крики боли и тихія проклятья.

Скаты были круты и зачастую солдаты падали на немъ и сползали внизъ, пока имъ не удавалось схватиться за вѣтку жимолости или за короткій и крѣпкій стволъ дикаго винограда, взбѣгавшаго гибкими лозами по крупнымъ сливамъ, что поднялись выше оврага, прямо въ синь этого теплаго вечера.

— Ваше благородіе, — шепнулъ Юрениву Григорьевъ, — такъ насъ увидятъ, либо услышатъ...

— Какъ-же имъ увидѣтъ? вскипѣлъ было юноша. — Что ты пустяки-то болтаешь. Здѣсь я команду.

— А верхушки-то кустовъ качаются. Тоже и они не дураки, сообразить могутъ. Окромя шуму.

— Чтожъ, по твоему, дѣлать надобно?

— Да оврагъ-то съ ключемъ, ишь, журчитъ внизу... По немъ чудесно дойти можно. Онъ, вѣдь, не должно, чтобъ глубокъ былъ. Такъ только по песочку сочится. Мы водой и поидемъ.

— Такъ ты, голубчикъ Григорьевъ, распорядись.

— Мы и въ Сербіи такъ хаживали... Тоже съ генераломъ Черняевымъ были тамъ. Мнѣ съ турками-то знакомое дѣло воевать.

Скоро партія вошла въ воду. Ручей дѣйствительно сочился по дну оврага. Изрѣдка разливался онъ въ небольшія лужицы, но потомъ опять вспѣвывался и рвался впередъ сквозь камешки, завалившіе узкія дефілеи этой лоцинки. Тутъ охотникамъ удалось пройти неслышимо. Впереди шелъ осторожно и прислушиваясь Григорьевъ. Такъ миновало съ полчаса времени...

— Ваше благородіе... Пообождите тутъ, а я выгляжу...

И Григорьевъ тихо проползъ впередъ... Прошло томительныхъ десять минутъ. Изда-

ли показалась, наконецъ, фигура унтеръ-офицера. Онъ махаль рукою, призывая къ себѣ.

Юрневъ собралъ охотниковъ и двинулся. Шумъ шаговъ скрадывался рокотомъ ключа. Къ тому-же, потянуло вѣтромъ и по сторонамъ зашуршала густая листва.

— Туточка онъ. Сидить... Прихилился,— шепотомъ встрѣтилъ ихъ Григорьевъ.

Юноша вскипѣлъ-было и кинулся впередъ, да, къ счастію, тотъ удержалъ его.

— Теперь я къ ротному пойду доложить.

— Ступай, ступай, а я двинусь далѣе.

— Тамъ больно-способное мѣсто есть. Какъ разъ бокъ-о-бокъ съ его траншеей.

Черезъ нѣсколько минутъ Юрневъ и охотники могли ужъ различить сквозь листву то, о чемъ говорилъ Григорьевъ. Вдали, въ сумеркахъ уже отовсюду подступившаго вечера, бѣлѣли сакли и мечеть Хаджи-бая. Въ окнахъ не было огней, на улицахъ безлюдье. Ближе, чуть не упираясь въ оврагъ, высилась брустверь на скоро вырытой траншеи. На приступкахъ, высунувъ голову за гребень

бруствера, едва-едва отдѣлялись отъ его сѣрой массы двѣ сѣрыя характеристическія фигуры съ алыми фесками на головахъ, длинныхъ шинеляхъ съ капюшонами на спинѣ. Кромѣ этихъ часовыхъ, въ траншеяхъ, казалось, никого не было. Юрневъ подвинулся еще ближе.

— Ваше благородіе, — слышалось ему изъ ряда. — Вдаримъ теперче. Потому народушку у нихъ мало; мы живымъ манеромъ траншейку захватимъ, — а тамъ и наши подбѣгутъ. Уру-бы теперь крикнуть самое время.

— Погоди... Не мѣшайся.

Въ траншеѣ дѣйствительно не было народа. Деревня тоже казалась вымершей. Юрневъ такъ и кипѣлъ. Сердце билось сильно, сильно. Такъ ему и хотѣлось начать сейчасъ же, не откладывая въ дальній ящикъ, самому кончить дѣло. Правда, десяти человекъ мало, да за то героизмъ какой. Во всѣхъ редакціяхъ будетъ, въ газетахъ прокричатъ о немъ, и та милая бѣлокурая головка читать и радоваться за него станетъ... Ахъ, еслибы не приказъ Боброва... И чего тутъ ждать?

Стоить-ли на этакую малость всю роту пускать.

«Я могу и на свою отвѣтственность взять... Ишь, они какъ неподвижны. Не ожидаютъ. Нечаянное нападеніе произведетъ панику... Я одинъ займу Хаджи-бай»...

Онъ, не оглядываясь, взялъ ружье у солдата. Сукъ дерева, стоявшаго передъ нимъ, раздвоился. Какъ разъ въ эту минуту одинъ изъ часовыхъ обернулся лицомъ въ его сторону... Изъ подъ сѣрой шинели видна была синяя, вышитая красной тесьмою, куртка низама...

— Какъ только я выстрѣлю, ура и въ траншею. Слышите? — и онъ намѣтился прямо въ эту синюю куртку.

— Слышимъ...— шепнули изъ зади; послышался вороватый, крадущійся шорохъ подбирающейся ближе команды.

V.

Какъ больно сердце бьется... какъ все мѣшается въ глазахъ... какой звонъ въ головѣ. Руки дрожатъ отъ нетерпѣнія...

Трескъ выстрѣла... Сѣрая фигура съ бруствера падаетъ внизъ. Слышится пронзительный стонъ... болѣзненный, такъ и проникающій въ душу... Обрывки ура... грянуло было и замерло... Что это?

Широко раскрылись глаза Юренева. Зако-стенѣлъ, бѣдный... Въ лицѣ ни кровинки.

— Назадъ, ваше благородіе... Скорѣй те-перичка... Кто-то его тянетъ за собою.

Откуда-то высыпало въ траншеи человѣкъ пятьдесятъ редифовъ и низама. Всматривает-ся Юренивъ, изъ подъ земли выходятъ. По-томъ уже догадался, что въ траншеяхъ продѣланы землянки, гдѣ до этого момента и хоронились турки... Все это бросилось къ краю, къ оврагу. Сейчасъ они будутъ здѣсь... Скорѣе, скорѣе...

Грохоть залпа; точно кто-то кнутами сталъ хлестать въ листву деревьевъ, что-то про-свистало у самыхъ ушей; скорѣй... скорѣй... Еще выстрѣлы...

— Ой, голубчики... не оставьте на лютую смерть... Такъ и сѣло въ ухахъ... Юренивъ оглядывается. Одинъ изъ охотниковъ, упавъ

лицомъ въ землю, царапаетъ ее руками и силиться подняться... Приподыметъ голову и опять немощно опускаетъ ее. Съ натугой навалится на руки, отдѣлится отъ земли и опять грудью внизъ. «Тише ты!»—кричатъ на него.

— Въ спину вдарило... Ой, горитъ, батюшки... Смерть моя, голубчики...

А солдаты выбираютъ впередъ.. кое-кто и сумки бросилъ, лишь-бы самимъ уйти... Юренева страхъ одолѣлъ, отъ недавняго возбужденія и слѣда не осталось... Онъ уже не по дну бѣжить, нѣтъ. Влѣзъ въ самую чашу; колючки царапаютъ ему лицо и руки; ноги чуть удерживаются на крутой осыпи ската.. дрожать они отъ чего-то... А онъ все впередъ и впередъ. Сердце точно упало. Тяжело дышется, съ натугой. Точно грудь разорваться хочетъ... Руки судоржно отгибаютъ вѣтви; голова скорѣе рукъ хочетъ проникнуть въ чашу. Все горитъ внутри, а тутъ проклятыя свистятъ у самага уха. Одна рядомъ ударила въ стволъ айвы и впила въ него... Какой-то топотъ позади...

— Господи, спаси меня!.. вслухъ взмолился Юрневъ и невольно остановился.

— Шабашъ, братцы... Кругомъ охватываютъ насъ...—крикнулъ кто-то...

Дѣйствительно, турки и спереди и сзади... Когда они забѣжали впередъ?.. Ихъ, должно быть, замѣтили изъ лѣсу и наши открыли по нимъ огонь, но въ кукурузѣ согнувшихся непріятелей не видно... Во что цѣлится? Сквозь просвѣты Юрневъ и кучка солдатъ замѣчаютъ красныя фески впереди... Они и позади... И на противоположномъ гребнѣ рва они-же...

Наши точно застыли въ своей чащѣ. Пока ихъ не видятъ еще турки, но все уже потеряно... Тѣмъ болѣе, что тамъ вдали разгорается перестрѣлка... Обрывками какое-то «ура» слышится, заглушаемое на минуту отчаянными криками «алла, алла»!.. Непритель, очевидно, тоже перешелъ въ наступленіе.

Юрневъ потерялся совсѣмъ... Какой-то невидный, загнанный солдатикъ положилъ его въ выбоину. Остальные залегли внизу и оцетинились штыками... Турки забѣгали по всему

оврагу. Кучка солдатъ ихъ показалаь и надъ самыми головами нашихъ охотниковъ. Эти и дыханіе затаили... Вонъ одинъ изъ ихнихъ, должно быть, лѣзеть прямо на встрѣчу... Шорохъ слышиѣе и слышиѣе...

Юрневъ приподнялъ было голову и сейчасъ-же опять зажмурился.

Прямо надъ нимъ показался кто-то смуглый, въ красной фескѣ... Юрневъ лежитъ и не дышетъ... Только сердце стучить въ груди... Только дышать больно ему... А въ головѣ картины прошлаго... Вся въ цвѣтахъ уютная комнатка, старуха мать... бѣлокурая головка съ веселыми глазками... Знакомый запахъ душистаго локона...

Опять открылъ глаза, никого кругомъ...

Надолго-ли?

Нѣтъ, не долго. Попали на слѣдъ турки и окружили нашихъ со всѣхъ сторонъ. Подбираются, только листва шелестить...

— Братцы, неспособно здѣсь... Окружилъ онъ. Штыками его нужно, а тутъ и устоять негдѣ... Лучше совсѣмъ внизъ давай... Все одно помирать-то...

И солдаты ринулись на дно оврага. У Юренева не хватило силы послѣдовать за ними. Было поднялся и опять легъ... Онъ продолжалъ лежать все тамъ-же, хотя шорохъ около доказывалъ, что его сторожатъ, что онъ не укрылся...

— Ужъ если убьютъ, такъ скорѣе-бы,— мелькнуло въ головѣ у него. — Какъ мучительно ждать-то... Какъ больно...

— Что это... и Юренивъ приподнялся.

Кто-то шевельнулъ его штыкомъ изъ чащи листьевъ.

Юноша вскочилъ и съ дикимъ крикомъ бросился внизъ, для чего-то широко разставивъ руки и ничего не видя передъ собою. Какъ больно въ плечѣ... Что это въ бокъ ударило и отозвалось въ сердцѣ?.. Ноги бѣгутъ помимо его сознанія. Деревья какъ-то странно вздрагиваютъ въ его глазахъ. Въ боку жжетъ... точно огонь тамъ... Машинально дотронулся рукой... Поднесъ руку къ глазамъ, алыя струйки крови стекаютъ съ пальцевъ — Ай!.. Господи... Госпо...

Чьи-то сильные пальцы сдавили его за

горло... сзади, видно, потому что онъ никого не замѣчаетъ передъ собою... И какъ нарочно въ эту минуту, такъ живо, такъ въявь, точно это не марево, а дѣйствительность, прямо въ глаза ему заглянула сѣдая мать... Старческая сморщенная рука поднялась и благословила его.

Только-что Юренивъ открылъ глаза, передъ нимъ мелькнуло блестящее лезвіе.

VI.

А внизу идетъ бой на смерть...

Охотники дорого продаютъ свою жизнь... Трoихъ уже нѣтъ. Семеро прижались одинъ къ другому и отбиваются... Первое время турки кидались на нихъ и падали тутъ-же подъ штыками. Какой-то низамъ, изъ крымскихъ татаръ, крикнулъ имъ по-русски:

— Бросай ружья, ребята, иди къ намъ, у султана лучше служить.

Но одинъ изъ нашихъ приложился и кричавшій кувыркомъ слетѣлъ съ обрыва.

— Стой братцы крѣпко!..—ободряли другъ друга солдаты...

— Помирать, такъ помирать по христіански. Все одно — конецъ.

— Подъ пулей лучше еще. Къ этимъ чертямъ попадешь замучать...

Новая толпа бросилась на нихъ, семь штыковъ сдѣлали свое дѣло. Охотники и на этотъ разъ отстоялись. Только около нихъ корчились смертельно раненые турки.

— Авось, наши, подоспѣютъ.

Со штыковъ капала кровь; сами охотники были въ поту. Лица покраснѣлись, глаза горѣли. Слова произносились хрипло, точно съ натугой ихъ выжимали эти намучившіяся груди.

— Двинемся... Впередъ, ребята!..

— Да, вишь, тамъ засѣли...

— Впередъ, говорю... Ура!..

И семь человѣкъ бросились впередъ. Не доходя до турецкой засады, — двое уже легло... Товарищи было наклонились къ нимъ.

— Вставай, Архиповъ, мы тебя на плечахъ донесемъ.

— Нѣтъ... Прощайте, братцы... Пробивайтесь сами... я ужъ не жилецъ... Только васъ

задержу... Коли-бы кто пристрѣлилъ меня... Потому замучать... И то въ грудь... ударило... жжетъ.

Пристрѣлить несчастнаго никто не рѣшился. Засаду удалось миновать благополучно; пули просвистали только надъ головами бѣдняковъ, когда они, наклонившись, перебѣгали по дну оврага. По гребнямъ его за ними бѣжали турки, не осмѣливаясь тоже показываться, потому что изъ лѣсу по нимъ была наша цѣпь... Черезъ кукурузу поминутно свистали пули, точно бичемъ тамъ щелкалъ кто-то... Еще одного свалило изъ нашихъ; на безопасное мѣсто выбѣжало только четверо...

Турки набросились на раненыхъ... Начались муки, которымъ нѣтъ имени...

А Бобровъ уже охватывалъ со всѣхъ сторонъ Хаджибай... Еще минута и сигналъ горниста призывно зазвучалъ въ сумеркахъ теплаго вечера.

VII.

— Нашихъ бьютъ!..

— Нашихъ бьютъ!—перенеслось изъ секретовъ въ аванпосты, изъ аванпостовъ въ роту...

Солдаты сами было двинулись впередъ...

Послышался шумъ шаговъ; люди выбѣжали на опушку.

— Смирно!.. Безъ команды ни шагу...— крикнулъ Бобровъ и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ сталъ вслушиваться въ трескотню перестрѣлки...

Турки сами выдали свои силы. По грохоту залповъ, обращенныхъ къ оврагу, по частой дробѣ выстрѣловъ въ перемежку можно было заключить, что здѣсь не меньше табора...

Изъ оврага доносились крики... Накойнецъ, показался оттуда Григорьевъ. Бобровъ его спросилъ наскоро. Теперь дорога оврагомъ была преграждена.

— Поручикъ Егоровъ, вы поведете цѣпь... Сопротивленіе сильнѣе, чѣмъ мы думали... Стройся!..

Тихо построилась рота. Лица солдатъ были серьезны. Одинъ какъ-то особенно старался вытянуться, точно теперь было до того. Другой украдкой счищалъ грязь съ рукава. Самые молодые оторопѣло смотрѣли на Боброва—и боялись сморгнуть...

— Смотрите-же, ребята, идти за мной... Чтобъ отсталыхъ не было... На первый разъ

бить ихъ. А главное—дружнѣе; какъ одинъ человекъ. Нечего ждать чтобъ кто-нибудь впередъ вышелъ; показа не надо, каждый ровно иди... И убьютъ не бѣда. Турки стрѣляютъ много, да безъ толку; огня ихъ не бойтесь. По кукурузѣ ему стрѣлять куда какъ неладно; а выйдемъ—тутъ и траншейка самая; живо добѣжимъ; ему некогда будетъ и прицѣлиться... Помните главное: безъ толку и безъ команды не стрѣлять; надѣйтесь на штыкъ пуще всего, онъ выручитъ.

И Бобровъ, снявъ шапку, перекрестился...

Точно вѣтеръ зашелестилъ по кукурузѣ, солдаты про себя молились, обращая взгляды къ небу, на которомъ уже погасли золотистые тоны заката... Робкія звѣзды чуть-чуть прорѣзывались въ недосягаемой высотѣ... Съ востока потянуло прохладой...

— Ну, тутъ скрывать нечего... Судя по выстрѣламъ, турки догадываются о нашихъ намѣреніяхъ... замѣтилъ Егоровъ и точно накликалъ бѣду...

Непріятель перемѣнилъ направленіе огня... Нѣсколько сначала неувѣренныхъ выстрѣловъ было послано въ ту сторону... Пули

просвистали слишкомъ высоко въ чащѣ деревьевъ... Солдаты только подтянулись; дыханіе участилось, его можно было даже слышать... Звякнули кое-гдѣ ружья... Послышался шорохъ; видимо нервное состояніе росло...

— Разсыпьте цѣпь...

Егоровъ, блѣдный, но спокойный, вывелъ солдатъ и развелъ ихъ, съ внутреннею болью всматриваясь въ эти, тоже поблѣднѣвшія, лица.

Всѣмъ было жутко; было жутко и ему...

„Если будутъ жертвы, по всей справедливости ты долженъ быть первою изъ нихъ. Не щади себя,—въ этомъ твое оправданіе... Если и умрешь—умрешь честно... Такая пора пришла, честнѣе умереть, чѣмъ жить...“

Цѣпь, вмѣстѣ съ Егоровымъ вошла въ кукурузу и скрылась въ ней... Только по колыханью стеблей можно было замѣтить ея направленіе...

Въ синихъ сумеркахъ Хаджибай на своемъ холмѣ казался какимъ-то бѣлесоватымъ пятномъ... Чу... что это?..

VIII.

Печальные, протяжные, медлительные звуки рожка у турокъ. Должно быть, сигналъ тревоги... Выстрѣлы зачастились и всѣ теперь въ эту сторону... Вотъ, около Боброва что-то шлепнуло, ударило въ дерево. Тяжело стоять и ждать подъ этимъ огнемъ... Лучше идти, драться или нѣтъ, только идти, не останавливаться ни на минуту... Ряды разомкнулись... Свищутъ пули... вотъ-вотъ рядомъ... Невольно кланяются солдаты. Самому Боброву стоитъ большихъ усилій не поддаваться соблазну склонить голову. Точно шея сама, помимо его воли, гнется. Въ колѣняхъ слабость какая-то...

— Чего ты, баба, кувыркаешься... Ты бы еще лбомъ въ землю...—оборвалъ Григорьевъ молодого солдата.

— Да она тутъ, во... пролетѣла...

— Коли слышишь, значить, мимо... Ту, которую въ тебя, не услышишь... Тутъ не кланяешься. Со всѣхъ сторонъ пойдетъ.

— Ну, съ Богомъ!

И рота двинулась впередъ. Въ первое время

солдаты шли особенно быстро. Они позади натерпѣлись столько въ ожиданіи дѣла, что будто скорѣе хотѣли уйти отъ этого мѣста, точно тамъ была опасность.

— Ишь, поетъ какъ—вырвалось у солдата, когда пуля особенно тоскливо прозвенѣла надъ его ухомъ. То и дѣло слышались точно удары кнута, когда пули прорѣзывали кукурузу... Скоро воздухъ наполнился свистомъ, жужжаньемъ, шипѣніемъ... Хотѣлось не слушать, а ухо невольно, чутко прислушивалось къ этимъ звукамъ, не пророняя ни одного... Иная только звенѣла, пролетая высоко надъ головами; другія, точно шмели, такъ и обдавали густымъ жужжаньемъ; особенно близкія давали о себѣ знать только однимъ короткимъ, мгновеннымъ свистомъ „фюитъ“ — и нѣтъ ее уже... Пока еще не было жертвъ. Солдаты начинали оправляться...

— Она, дяденька, точно волчокъ!..—сравнилъ недавно кланявшійся солдатикъ, обращаясь къ Григорьеву.

— Такъ-то лучше...

— Прицѣлки у нихъ настоящей нѣтъ...

Ишь, какъ мѣтятъ, все поверхъ головы,—
укоризненно замѣтилъ другой солдатъ.

— Одно слово, орда. Нешто это войско;
нешто у войсковъ такъ стрѣляютъ?

— Што-жъ, дяденька, такъ все и будетъ
надъ головами; это онъ для острастки, должно.

И какъ будто въ отвѣтъ на наивный воп-
росъ солдата, рядомъ послышался вопль, въ
которомъ былъ скорѣе испугъ отъ неужи-
данности, чѣмъ чувство боли. Молодой, толь-
ко-что храбrivшійся солдатикъ съ ужасомъ
оглянулся назадъ. Его собрата подкосило...

— Такъ вотъ она какъ?—только и прого-
ворилъ онъ, не смѣя внимательно взглянуть
на первую жертву начинавшагося боя.

— Тронуло?.. Кого тамъ?—живо обернулся
Бобровъ...

— Охъ, батюшки, смертушка моя... Ой,
жжетъ... и раненый сѣлъ на землю, стараясь
не глядѣть на ногу, по которой, выше ко-
лѣна, уже бѣжала алая струйка, расползаясь
въ широкое кровавое пятно... Не успѣли са-
нитары подхватить его на носилки, какъ
около упало еще двое... Болѣзненный стонъ
раздался на лѣвомъ флангѣ...

Подъ впечатлѣніемъ этого, рота нѣсколько пріостановилась... точнѣе, пошла медленнѣе, такъ что разстояніе между нею и Бобровымъ стало все рости и рости...

— Впередъ, молодцы! Не отставать... За мной, ребята, отомстимъ за товарищей; стыдно останавливаться!..—подбодрилъ солдатъ Бобровъ. — Ну, что-жъ тамъ? унтеръ-офицеры, слѣдить, чтобы люди не прятались!..

Десятка два солдатъ порѣшительнѣй догнали Боброва; остальные шли неувѣренною массою, разомъ потерявшею всю свою стойкость и правильность. Самые трусливые залегли въ ровики, хотя тутъ-же, около, пули такъ и падали, съ злобнымъ шипѣніемъ вливаясь въ рыхлую землю. Вѣдь и тутъ убить можетъ — а лежать все-таки какъ-то имъ легче... Все кажется безопаснѣе. Каждый только старается поглубже въ ровикъ уйти, точно впиться всеѣмъ своимъ существомъ въ землю...

— Это еще что у меня?..—загремѣлъ Бобровъ, замѣтивъ начинавшуюся панику... Вы — трусить... Стой!

Рота остановилась.

— Стройся!

Какъ только солдаты стали въ ряды, волнение уменьшалось и уменьшалось.

— Я съ вами шутить не стану! На пле—чо!

Послышался лязгъ ружей... неправильный, въ разбродъ... Не совсѣмъ еще овладѣли собой солдаты. Какая-то шальная пуля ударила въ штыкъ, звонъ раздался на всю роту...

— Еще разъ!.. Я васъ дойму. Я вамъ передъ самой траншеей ученье сдѣлаю. Къ ногѣ!

— На пле—чо!

На этотъ разъ команда исполнена была правильно. Бобровъ почувствовалъ, что теперь рота у него въ рукахъ.

— Повѣрять ряды.

Почти всѣ оказались на лицо...

— Стыдъ и срамъ. Этакіе молодцы, а трусятъ, точно бабы деревенскія...

Ряды разомкнулись и опять двинулись впередъ, но уже въ болѣе стройномъ порядкѣ...

IX.

Полю, казалось, и конца не будетъ.

Ноги уходили въ рыхлую землю, то и дѣло

путались въ кукурузныхъ корняхъ. Стебли мѣшали идти, хлестали по лицу и громко шуршали придавленные ногами солдатъ... Острые листья царапали руки; въ выбоинахъ приходилось спотыкаться... Споткнулся и Бобровъ, только не въ выбоину... Что-то темное лежало на землѣ... Онъ внимательно взглянулъ солдатъ раскинулся... Безъ кепи... Волоса еще мокры отъ пота, а глаза недвижно смотрять въ высь, въ это темное небо, сквозь густую чащу стеблей... Вѣрно изъ цѣпи былъ несчастный.

— Вы куда?—остановилъ Бобровъ трехъ солдатъ... Четвертый, очевидно, былъ раненъ и громко стоналъ.

Солдаты молчали.

— Откуда вы?

— Изъ цѣпи...

— Куда? я спрашиваю...

— Раненнаго вотъ... нервѣнительно заговорили солдаты...

— Трое одного?.. Ахъ, мерзавцы!.. Передать санитарамъ—и маршъ въ цѣпь. Сейчасъ же догнать...

Люди неохотно повернулись, пробѣжали впередъ нѣсколько и залегли въ кусты...

Разъ струсившій человѣкъ уже не владѣеть собой, если за нимъ никто не смотритъ. Онъ, по собственной своей волѣ, уже не вернется въ бой...

Чувство отвѣтственности за роту совершенно отрезвило Боброва. Ему уже не было жутко... Онъ только и думалъ объ успѣхѣ дѣла... Ему некогда было волноваться за себя, безпокоиться о себѣ. Скоро онъ уже пересталъ обращать вниманіе на людей, попадавшихъ ему по пути. Эти сидѣли въ ямахъ и рвахъ. Бобровъ зналъ, что такіе въ дѣлѣ не работники. Возвращай ихъ назадъ—гони впередъ—все равно. Они только будутъ усиливать панику, смущать остальныхъ, еще бодрыхъ...

Скорѣй-бы кончилась эта проклятая кукуруза. Правда, въ ней безопаснѣе, не видно неприятели, но за то эта чаща стеблей, сплошная, хорошо прикрывающая, большой соблазнъ для солдата. На ровномъ, гладкомъ мѣстѣ онъ не ляжетъ, не присядетъ, не отстанетъ... А тутъ это удобство схорониться ужасно смущаетъ... Продолжись

еще версту такое поле, пожалуй изъ роты и половины не доведешь...

И, невольно, человекъ дѣлается въ подобную минуту трусомъ. Идетъ бодро, смѣло и не думаетъ прятаться; разъ споткнулся о стель, упалъ на землю и уже не подыметъ... Моментально является въ мозгу представле- ние о томъ, что такъ лучше, безопаснѣе... А другой даже и сознаетъ, что направо и на- лѣво падаютъ пули, слѣдовательно, и лежатъ скверно. Но онъ шелъ по инерціи; особен- наго усилія для этого ему не требовалось, онъ не шелъ, а продолжалъ идти. А теперь, чтобы встать нужно особое чрезвычайное усиліе и идти нужно уже не продолжать, а начать вновь.

Ну и лежитъ бѣдняга лицомъ въ землю... Только мурашки бѣгаютъ по спинѣ... Да ка- кой-то холодъ чувствуетъ въ эту теплую ночь, а горло словно спазмы перехватываютъ... Одинъ такъ лежащій для другихъ то-же, словно магнитъ какой... Въ одиночку иной- бы и не легъ, а тутъ къ товарищу привалиться все легче...

Х.

Тьма подкралась незамѣтно...

Ночь совсѣмъ окутала дали въ свою таинственную синеву... Только ярче разгорѣлись звѣзды, только гуще стало благоуханіе цвѣтовъ.

Едва можно было разсмотрѣть Хаджибай на его невысокомъ холмѣ... Сквозь однообразную трескотню ружейныхъ выстрѣловъ, оттуда доносились порою скрипъ арбъ и безпокойные крики погонщиковъ... Послѣдніе обозы уходили по направленію къ Ловчѣ... Скоро Егоровъ съ цѣпью дошелъ чуть не въ плотную до кавалерійскихъ аванпостовъ. Тутъ кукуруза была сильно помята... въ нѣсколькихъ пунктахъ оставались зола и головни отъ костровъ. Его было обдали, около стоявшіе черкесы, мелкими пульками изъ своихъ магазинныхъ ружей и сейчасъ же стали отступать къ Хаджибаю.

По шелесту стеблей и мало-по-малу замиравшему топоту, Егоровъ догадался, что непріятельскіе аванпосты уже сняты и пріостановился самъ... Скоро ржаніе лошадей

донеслось издалека... Черкесы, видимо, ушли совсѣмъ за деревню. Можно было опасаться за фланги, но Бобровъ распорядился уже выслать туда людей и Егоровъ могъ вести своихъ солдатъ совершенно спокойно...

Въ темнотѣ трудно было разобрать что нибудь передъ собою... Только силуэты тополей высились порою по сторонамъ, да огоньки выстрѣловъ перебѣгали по гребню турецкой траншеи... Они то вспыхивали, когда разгоралась стрѣльба, то гасли, когда наступали моменты сравнительной тишины... Нервы удивительно стали привыкать къ огню и пулямъ.. Не то что мужество, нѣтъ, просто равнодушіе ко всему—и къ своей и къ чужой жизни, мало-по-малу, смѣняло тревогу недавняго ожиданія... Убьютъ такъ убьютъ, только-бы скорѣй.

Гдѣ-то рокочетъ ключъ; тихій, меланхолическій шумъ его медлительныхъ струй полонъ нѣги; эта мечтательная ночь тепла; ароматъ цвѣтовъ расплывается по вѣтру; ласковое мерцаніе звѣздъ говоритъ сердцу о далекой родинѣ, на которую теперь также кротко смотреть эти немеркнущія очи неба.

Какъ хорошо было-бы здѣсь, еслибы не эта лютая злоба человѣка. Мѣсто-ли мукамъ и смерти среди этого царственнаго величія южной ночи?...

— Ваше высокоблагородіе!—шепнулъ солдатъ, стоявшій рядомъ, Егорову:—Въ деревнѣ пеладно что-то. Видите, вонъ тамъ.

— Костры разложили, вѣрно...

— Гдѣ костры!... Это должно, пожаръ у нихъ... Жгутъ... Совсѣмъ уходятъ, вѣрно...

Дѣйствительно, словно огонь костра рдѣетъ въ Хаджибаѣ позади чернаго гребня траншеи... Только слишкомъ великъ для костра... Разгорается ярче и ярче... Багровые языки, колеблясь и потухая въ воздухѣ, взрываются все выше...

Нѣтъ, это ясно, не костеръ. . Пламя, вздрагивая, бѣжитъ вверхъ по саклямъ, точно ящерица, заползая во всѣ скважины.. Вопъ, въ другомъ концѣ села, разомъ вспыхнуло только внутри дома. Весь онъ стоитъ черный, но огнистое зарево свѣтится изъ его оконъ... Около мечети загорѣлась изгородь... Пламя лижетъ бѣлую колонну минарета, пытается дорваться до его верхушки и падаетъ внизъ,

точно обезсиленное, обкуривая дымомъ каменную башню.

Цѣлыми снопами золотыхъ искръ перебрасывается оно на сосѣднія постройки... Снопы было погасли... Другіе летятъ имъ на смѣну; гаснуть и эти, но не совсѣмъ видно... соломенные кровли около точно затлѣли... Извилистая золотая кайма бѣжитъ по краю ихъ.. Вотъ, за клубился черный дымъ. Кайма ширится и ширится... Кое-гдѣ на ней вспыхиваютъ перебѣгающіе языки огня. . Сливаются одинъ съ другимъ и скоро кровля вся горитъ, разбрасывая въ свою очередь, міриады искръ во дворы и хаты, въ сады, гдѣ еще, не смотря на пожаръ, стоитъ прохладная тьма.. Пламя немного клонится къ востоку, по вѣтру... Яркое почти бѣлое внизу, оно все багровѣетъ и багровѣетъ кверху, пока не переходитъ въ густой черный дымъ, словно грива, развивающійся надъ пожарищемъ. Точно спущенный съ цѣпи звѣрь, бѣсится огонь по селу, забѣгая во всѣ уголки... Вонъ одну высокую саклю охватилъ и лижетъ ее своимъ кровавымъ языкомъ; языки тянутся и тянутся, словно золотыя змѣи, ползетъ огонь

вверхъ, по стѣнамъ, забрасывая свои огневья жала въ окна, и ярко разгорается тамъ внутри... Въ вышинѣ, въ синевѣ небесъ, стоитъ желтое зарево и точно вздрагиваетъ оно надъ этою горящей деревней...

Еще стоговъ соломы не тронуло... Еще стоятъ они, озаренные пожаромъ... Но и до нихъ скоро доходить очередь. Какой-то огонекъ бѣжитъ къ нимъ; видно, въ чьихъ нибудь рукахъ ярко горящая головня; искры отъ нея—назадъ, по бѣгу; такъ лодка, быстро плывущая впередъ, оставляетъ за собою серебристый слѣдъ.. По всемъ дворамъ забѣгали такія головни, и скоро удушливый чадъ, разстилаясь во все стороны, добрался даже до нашей цѣпи. Запахло горѣлымъ.. Точно черные столбы, дымъ клубами поднялся въ высь отъ стоговъ.. Въ дыму этомъ багровѣютъ огнистыя пятна. Порою они гаснутъ, точно отъ недостатка воздуха, порою разбрасываются на тысячи огоньковъ, чтобы сейчасъ же опять закутаться въ свой траурный флеръ.. Горящая солома массами летитъ въ высь въ тѣхъ же столбахъ дыма... Пламя уже съ

бѣшеннымъ свистомъ и отомъ гуляетъ по всей деревнѣ.

Вся черная въ золотой каймѣ пожара, вырѣзывается подѣ своимъ тяжелымъ куполомъ мечеть. Въ одномъ мѣстѣ ея окно противъ окна пришлось, сквозить въ нихъ пламя; топкій силуэтъ минарета еще красивѣе кажется на этомъ слѣпящемъ глаза фонѣ...

Клочья огня, точно куски чьей-то радужной одежды, уносятся въ высоту и гаснутъ тамъ... Порой съ волнующагося гребня пламени срывается золотая кайма и разносится по вѣтру... Такъ въ морѣ, въ непогоду, вихрь срываетъ бѣлую пѣну съ крутыхъ гребней и уноситъ ее, разбрасывая по воздуху.

Въ пожарницѣ до сихъ поръ темными пятнами стояли сады. Но теперь и ихъ тронуло... Быстро перебѣгаетъ пламя по ихъ сухимъ оградкамъ, и, приникая къ землѣ, какъ звѣрь, готовый кинуться, всползаетъ въ прохладную тьму между деревьями... Скоро и вѣковые деревья окутываются дымомъ; припавшія къ ихъ корнямъ, золотыя змѣи, мало-по-малу, поднимаютъ свои ядовитыя головы и всползаютъ по корявымъ старымъ стволамъ... Съ

громкимъ шумомъ трескается кора, мучительно шипитъ подъ нею сырая древесина... Сохнутъ и свертываются листья и золотымъ дождемъ падаютъ внизъ...

Далеко вокругъ деревни, по сухимъ полямъ разбѣгается пламя, точно рѣка тамъ вливается съ одного берега въ овраги, наполняетъ ихъ, и, словно отъ полноводія, бушующими волнами, выходитъ на другой берегъ, въ свѣжую зелень кукурузнаго посѣва...

Егоровъ стоитъ ошеломленный... На немъ и на его солдатахъ отражается зарево пожара. Лица багровыя; на штыкахъ горитъ пламя... Видимо, что и турки замѣтили эти, отражающіе огонь, штыки. Изъ траншеи прямо по нимъ направился огонь и еще чаще стали падать люди... Еще громче и отчаяннѣе стоны, подстать этому змѣиному шипѣнію, бѣшеному треску и реву пожара... Гдѣ-то вдалекѣ рѣченка разлилась широкимъ плесомъ; весь онъ мерцаетъ и свѣтится теперь въ черной оправѣ береговъ своихъ, словно въ эту тьму брошенъ громадный мѣдный щитъ...

Черная траншея вся своимъ зубчатымъ

гребнемъ рѣзко вырисовывалась на золотомъ фонѣ пожара...

Ярко разгорѣвшееся пламя пожара увидѣлъ и Бобровъ. Онъ понялъ, что черкесы удаляются внутрь страны, уничтожая за собою все, чего не могутъ взять... Съ утра доносился скрипъ арбъ, теперь пылали дома, которыхъ, разумѣется, нельзя было увести...

Сдѣлавъ короткій привалъ, Бобровъ выровнялъ роту и повелъ ее... Слышался только шумъ шаговъ, да изрѣдка звенѣлъ штыкъ неосторожнаго солдата... Часто глубокой вздохъ нарушалъ общее молчаніе роты. Передъ какимъ-нибудь солдатомъ мелькали, должно быть, въ эту минуту дорогіе и милые образы... воскресали картины родной деревушки... Придется-ли ему увидѣть ее когда-нибудь?

XI.

Скоро кукуруза кончилась... Передъ нашими была большая луговина, у края которой, весь черный, рѣзко выдѣлялся на яркомъ пожарищѣ массивный брустверь турецкой траншеи... Между его зубцами и неровностями

гребня можно было рассмотреть силуэты людей. Цѣпь уже близко подобралась къ нимъ и огонь непріятеля сталъ особенно неистовъ и часть... Что-то адское, оглушающее было въ этой трескотнѣ залповъ и стихійномъ ревѣ торжествующаго по всей деревнѣ пожара... Наступала рѣшительная минута... Вонъ, въ траншеѣ поднялись всѣ солдаты, которые были тамъ у турокъ. Головы унизали брустверь, ихъ много. Сопротивленіе очевидно, будетъ жаркое. Кому удастся вернуться домой отсюда?..

Бобровъ развернулъ свою роту цѣпью...

Каждый солдатъ былъ ярко озаренъ багровымъ отсвѣтомъ. Перебѣгающее зарево придавало странную жизнь этимъ мрачнымъ въ настоящую минуту лицамъ.

— Ну, ребята, за мной!—крикнулъ Бобровъ и, раздвинувъ двухъ ближайшихъ къ нему солдатъ, вышелъ впередъ.—Помни присягу, братцы!..

Кровожадный рокоть барабановъ на минуту заглушилъ даже могучее „ура“, разомъ вырвавшееся изъ ста грудей... Такъ кричатъ только передъ смертью, чтобы ободрить себя.

И, дѣйствительно, опьяняющи были эти крики... Въ головѣ точно туманъ отъ нихъ, ни разсуждать, ни думать. Можно только бить, колоть... Съ толкомъ даже и стрѣлять нельзя въ этомъ одуряющемъ гамѣ... Вмѣстѣ съ дробью барабана, съ рѣзкимъ металлическимъ сигналомъ горниста, онъ давилъ въ сердцѣ и чувство опасности, и инстинкты жизни... Подъ вліяніемъ этого „ура“, шаги дѣлались чаще, больше и быстрѣе, переходили въ бѣгъ. Тутъ уже не было отставшихъ. Все, что не залегло позади въ кукурузу, все теперь, стремглавъ, слѣпо бѣжало за Бобровымъ... Хотѣлось скорѣе дорваться туда... Росла жажда мести, кому и за что? — до этого никому не было дѣла. Только скорѣе, скорѣе впередъ...

— Господи! Помоги ей, спаси ее, — шепталъ Бобровъ и снова забывался, снова чувство ответственности за другихъ, за роту, за солдатъ, за успѣхъ порученнаго ему дѣла заполняло всѣ остальные ощущенія... Иногда ему чудилось, что солдаты перегоняютъ его, потомъ онъ оказывался впереди одинъ. Рота быстро настигла свою передовую цѣпь, все смѣшалось въ общей массѣ атаки...

А брустверь траншеи все высился и высился. Оттуда уже несется грозное „алла, алла“! Залпы торопливо слѣдуютъ за залпами, въ промежуткахъ несмолкаемая дробь одиночныхъ выстрѣловъ,—но большинство пуль проносится надъ головой, видно, что непріятель, оторопѣвъ, опять сѣлъ за гребень бруствера и уже не рѣшается высунуть головы, чтобы взять прицѣлъ болѣе вѣрный... Какъ въ наступающей, такъ и въ защищающейся массѣ людей нѣтъ мысли, словно гаснетъ сознание. Люди и идутъ и стрѣляютъ, точно во снѣ.

— Смѣло, братцы!.. Однимъ ударомъ!— ободрялъ своихъ Бобровъ...

— Помните,—штыками бей,—кричалъ на другомъ флангѣ Егоровъ...

И, какъ нарочно, назойливое воспоминание такъ и стало передъ глазами поручика. Петербургская гостиная.. А надо же дѣло дѣлать.

ХII.

Вотъ черный брустверь въ нѣсколькихъ шагахъ... Свистъ пуль наполняетъ воздухъ, кажется, онѣ распалаяютъ его; кажется, кругомъ нѣтъ атмосферы, свободнаго отъ нихъ... Все кружить голову; все взрываетъ въ душѣ

ключья обрывки какихъ-то чувствъ, ощущеній. Въ какой-то вихрь мѣшаются они въ немъ, тонуть послѣднія искры сознанія. Невольно вглядываешься въ лицо товарищу и, видя, какъ оно перекошено, какъ судороги передергиваютъ на немъ мускулы, какъ багровѣютъ и наливаются кровью глаза, думаешь: неужели и у тебя тоже самое?..

А кровожадный рокоть барабановъ все громче и громче... Какъ онъ дикъ и свирѣпъ въ своемъ однообразіи. Горнисть уже не наступленіе трубить, а что-то такое, чему нѣтъ названія; точно, неистовою рѣзкостью звуковъ, онъ хочетъ заглушить что-то вскипающее у него на душѣ, что-то спазмами подкатывающееся къ горлу... Въ жару атаки, раненые въ первыя минуты не ощущаютъ своихъ ранъ. Точно стукнетъ палкой по ногѣ, въ грудь, въ плечо, и еще долго бѣжить человѣкъ, бѣжить и ореть вмѣстѣ съ другими, не замѣчая, что алая кровь уже сочится изъ него, что пуля засѣла въ живое мясо, бѣжить, пока не подогнутся колѣна, пока не хватить въ груди силы для голоса, для этого стихійнаго «ура»...

Точно гонимыя бѣшенымъ вихремъ морскія волны, ударилась эта живая масса о недвижную стѣну бруствера... Какъ и волны, всколыхалась она на минуту, отхлынула назадъ, но новая толпа сообщила ей опять толчекъ... Бобровъ и Егоровъ не дали ей опомниться, поддаться чувству страха... поддаться невольному отрезвленію этой минутной остановки, этого короткаго бездѣйствія...

— За мной, братцы... Бей ихъ!—послышалось уже съ бруствера.

И передъ разгорѣвшимися солдатами, на яркомъ заревѣ, вырисовались два черныхъ силуэта офицеровъ, взбѣжавшихъ на черный гребень, зачѣмъ-то взмахнувшихъ руками и точно провалившихся туда, внутрь, за грузную массу земляного вала. Но это было только мгновеніе; на слѣдующее — десятки людей лѣзли туда же, съ хриплымъ крикомъ цѣпляясь за скать бруствера и оборачиваясь къ товарищамъ:

— Не выдавай, ребята, за нами!..

И тѣ не выдавали. Точно покорное вожакамъ стадо взбѣгало и кидалось внутрь...

Турецкіе штыки уже оросились русскою

кровью... Кровь капала на лица, на груди... Враги били снизу вверхъ, и первые, вскочившіе въ траншею, падали отъ смертельныхъ ударовъ; за ними врывались другіе, работая прикладами. Въ хриплыхъ крикахъ убійства тонули стоны жертвъ. Лязгъ штыковъ, зловѣщій трескъ прикладовъ о черепа, проклятья и бѣшенная ругань стояли въ горячемъ воздухѣ. Съ пожара наносило задушающіе клубы чернаго дыма; они еще болѣе одуряли; на минуту ту и другую группу бойцовъ окутывало густымъ дымомъ, точно прятало въ тучу... но, задыхаясь, люди инстинктивно продолжали свое дѣло и новые проблески пламени выхватывали изъ тьмы тѣ-же одичавшія лица, тѣ-же взмахи прикладовъ вверхъ, тѣ-же схватившіеся въ рукопашную силуэты бойцовъ. Пламя уже не отражалось на штыкахъ, мокрыхъ отъ крови... Падавшіе подъ убійственными ударами въ смертельной мукѣ своей находили еще силы вцѣпиться руками въ противника, пока тотъ не добивалъ врага, прямо въ сердце ему погружая злобное жало штыка... Нѣкоторые турки, далеко отбросивъ ружья, съ громкимъ „аманъ, аманъ“, кида-

лись на колѣни, но разбирать было некогда. Въ жару и ожесточеніи бойни защищавшихся не отличали отъ беззащитныхъ... Сознаніе замерло, жили только инстинкты истребленія... Состраданію не было здѣсь мѣста. И чѣмъ яростнѣе становился бой, тѣмъ тише онъ казался.

Голоса команды не слышно...

Гдѣ были Бобровъ и Егоровъ?..

Нерастерявшійся Григорьевъ искалъ ихъ въ толпахъ и не находилъ.

— Командировъ убили, проклятые!..—раздался его отчаянный голосъ, и еще злобнѣе набросились солдаты на защитниковъ траншеи.

XIII.

И четверти часа не прошло, а все было кончено...

Въ траншеѣ не было уже враговъ, были только утомленные побѣдители и группы побѣжденныхъ... Сидя на banquetѣ бруствера, въ тупомъ утомленіи молчали солдаты... Внизу слышались стоны, вопли недобитыхъ, хрипѣніе умирающихъ, но солдатамъ было

не до того... Только теперь проснулись инстинкты самосохраненія... Когда прошли первыя минуты устали, въ которыя до дурноты кружить голову, частое дыханіе острою болью сжимаетъ сердце и перехватываетъ горло, даже приливъ нѣсколько дикой, полной возбужденія веселости, поднялъ въ толпѣ побѣдителей громкій говоръ... Кому-то пришло въ голову во все горло крикнуть ура и долго еще гремящая захваченная траншея. Послышался смѣхъ, кое-кто бросился къ пожарищу, не думая о засадахъ, не опасаясь скрытаго врага... Еще не сбѣжало возбужденіе съ лицъ, какъ кто-то ошеломилъ роту.

— А капитанъ, братцы, гдѣ?..

Капитанъ не отзывался.

И поручика нѣтъ?..

— Ахъ ты, Господи, — и солдаты сползли внизъ. Стадный инстинктъ сказался, только отсутствіе вожаковъ привело въ себѣ побѣдителей.

Суматоха пошла по траншеѣ; поворачивали мертвыхъ и заглядывали имъ въ незрячіе уже очи. Солдаты не совсѣмъ еще пришли въ себя. Имъ мало было убѣдиться въ отсут-

ствіи мундира, они поднимали мертвыхъ, нѣтъ-ли офицеровъ подъ ними...

Въ одномъ мѣстѣ цѣлою грудой были навалены убитые... Мимо этой груды прошли было, да Григорьеву послышался точно стонъ оттуда... Стали разбрасывать трупы, добрались и до Боброва...

— Ваше высокоблагородіе!..

Несчастный съ трудомъ разжалъ вѣки, болѣзненно взглянулъ на спрашивавшаго и снова закрылъ глаза. Дыханіе было едва замѣтно; судороги сводили пальцы, такъ что онъ бессознательно царапалъ руку Григорьева... Голова была въ крови... Въ плечѣ тоже, точно черное пятно, стояла кровь...

— Куда ранены?..—спрашивали Боброва.

Въ немъ хватило еще смысла поднять лѣвую руку и указать на голову... Мигомъ обмыли ее водой, новая кровь стала сочиться по длинной бородѣ, видимо, проведенной ударомъ штыка, скользнувшего вверхъ по лбу... Въ плечѣ засѣла пуля. Платье было изорвано съ бортовъ, точно его тормозили въ рукопашной свалкѣ. Правая рука точно закованная въ стѣну съ рукоятью сабли, обломанной у

самаго начала... Кстати стали и подбирать своихъ раненыхъ.

— Братцы, землянки есть!—радостно кричали издали солдаты, отправившіеся на поиски.

Боброва осторожно положили на шинель. Когда его поднимали, онъ тяжело простоналъ и оглядѣлъ людей. Въ на минуту открывшихся глазахъ блеснуло чувство какого-то ужаса.

Григорьевъ замѣтилъ, что губы Боброва тихо шевелятся. Онъ наклонился къ нему, но сейчасъ-же опять выпрямился и недоумѣло посмотрѣлъ на ротнаго.

— Маша... ребенокъ...—шепталъ Бобровъ, опять впадая въ забытье...

Тихо понесли его въ землянку...

Солдаты вставали и крестились. Разомъ погасъ смѣхъ и говоръ... Только ревъ пожара раздавался впереди. Пламя бушевало все сильнѣе и сильнѣе... Отсвѣтъ его падалъ на посинѣвшее лицо Боброва.

Съ ротой былъ фельдшеръ; онъ ничего опаснаго не нашелъ въ его ранахъ.

Егорова искали до разсвѣта и только при первыхъ лучахъ зари наткнулись на него.

Старый поручикъ лежалъ, раскинувъ руки и глядя прямо въ небо остеклѣвшими глазами.

Сабля его осталась въ ножнахъ.

Егоровъ, видимо, не защищался. Бросился туда и упалъ подъ ударами...

Онъ счелъ честнымъ вести людей на смерть, себя перваго обрекая смерти.

Медленно роютъ яму солдаты, въ сторонѣ отъ траншеи...

Около—рядъ труповъ подъ сѣрыми шинелями. Только голыя ступни видны изъ подъ нихъ. Сапоги кое-у кого поразвалились; сняли съ товарищей цѣлые. Грубое сукно все же обрисовываетъ неподвижные силуэты. Первымъ въ этомъ ряду—Егоровъ... Успокоилось навсегда глубоко любящее сердце; нашла свою тихую пристань эта мятежная душа...

А яркое солнце уже высоко стоитъ надъ обильно политой кровью землей; жжетъ оно трупы турокъ; сушить кровавыя лужи... Со вчерашняго пожараща теперь только курится

дымъ. Обгорѣлые остовы домовъ, чернѣя, поднимаются изъ грудъ золы, угольевъ и обломковъ. Двѣ-три землянки, да бѣлая мечеть уцѣлѣли среди пожарища. Въ мечети—раненные...

По садамъ прошелъ палъ, и не цвѣсти больше этимъ миндальнымъ деревьямъ, не виться и не гнуться подъ гроздями сочнаго винограда этимъ лозамъ, не благоухать этимъ обугленнымъ розовымъ кустамъ, какъ не воскреснуть на днѣ глубокой ямы несчастнымъ, прямо на лица которымъ теперь сыплется сверху комья земли...

Читаютъ солдаты молитву надъ товарищами... Бережно опускаютъ туда же и Егорова ..

Крупныя слезы падаютъ въ яму... Вспоминаетъ солдатъ «добраго поручика» и крестить его обезображенное лицо... На родинѣ его не вспомнить никто...

ВАСНИ И. А. КРЫЛОВА.

съ приложеніемъ портрета автора, его біографіи, написанной П. А. Плетневымъ, примѣчаній, составленныхъ по В. Ѳ. Кеневичу, и пяти этюдовъ о басняхъ Крылова П. Смирновскаго. 332 страницы, 1897 года. Цѣна 1 руб.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендованы въ качествѣ пособія при изученіи басенъ Крылова въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и для ученическихъ бібліотекъ этихъ заведеній, а также для учительскихъ бібліотекъ низшихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ бібліотекъ и читаленъ.

Оглавленіе: Біографія Крылова (написанная П. А. Плетневымъ). Очеркъ дѣятельности Крылова до 1808 г. (П. Смирновскаго). Басни Крылова. Примѣчанія въ баснямъ (по В. Ѳ. Кеневичу). Объясненіе нѣкоторыхъ словъ, встрѣжающихся въ басняхъ Крылова (П. Смирновскаго). Имена и образы, заимствованные изъ классической древности (П. Смирновскаго). Степень оригинальности басенъ Крылова (П. Смирновскаго). Историческое и общечеловѣческое значеніе басенъ Крылова (П. Смирновскаго). Народность басенъ Крылова (П. С.). Художественность басенъ Крылова (П. С.). Алфавитный списокъ басенъ Крылова съ указаніемъ страницъ.

Томе, удешевленное изданіе для школъ и народа съ 75-ю гравированными рисунками, съ портретомъ автора и его біографіей. М. 1898 г., изд. 2-е, цѣна въ бумаж. 13 в., въ папѣ 20 в. и въ коленкор. перепл. 35 в.

ПОЛНЫЙ СЛОВАРЬ ИНОСТРАННЫХЪ СЛОВЪ

вошедшихъ въ употребленіе въ русскомъ языкѣ,
съ означеніемъ ихъ корней.

Изданіе девятое исправленное и дополненное

В. Кошкарнымъ.

М. 1899 г. Ц. 60 к., въ пер. 85 к.

Предпринимая изданіе настоящаго словаря, я имѣлъ дѣлю дать возможность каждому приобрѣсти полезную книгу по самой общедоступной цѣнѣ. По своей полнотѣ этотъ словарь имѣетъ большое преимущество передъ другими изданіями того-же рода: въ немъ помѣщено около 20,000 словъ, тогда какъ этотъ-же словарь (Михельсона и Бурдона, цѣна 4 р.) въ прежнихъ изданіяхъ, хотя и былъ озаглавленъ: „150000 иностранныхъ словъ“, однако содержалъ въ себѣ всего 22—23 тысячи словъ, въ томъ числѣ массу лишнихъ, какъ-то: переводъ еврейскихъ и другихъ собственныхъ именъ, спеціальныхъ латинскихъ названій различныхъ болѣзней, медицинскихъ и другихъ терминовъ и т. д., которые изъяты при исправленіи. Словарь же Дубровскаго (цѣна 1 р.) содержитъ въ себѣ всего 15—16 тысячъ словъ. Источникамъ при исправленіи и дополненіи словаря служили: Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона, словарь Граната и другія не менѣе извѣстныя изданія. Кромѣ того я приложилъ всѣ старанія, чтобы дать книгѣ изящную внѣшность: словарь отпечатанъ на хорошей бумагѣ и содержитъ въ себѣ 476 стр. убористой, отчетливой печати въ два столбца. Насколько я достигъ своей цѣли—предоставляю судить читателю (публикѣ).